

УДК 82-32
ББК 83.3(Рос.)

Е.Н. Петухова

ПОНЯТИЕ «СТЫД» У ЧЕХОВСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ

Понятие «стыд» у чеховских героев не всегда совпадает с авторским. Лексика концепта «стыд» часто не вербализована, состояние человека передается через внешние признаки, через поведение, через восприятие окружающего. Стыд в чеховских рассказах соотносится не с идеей «восстановления погибшего человека», не с первородным грехом, не с идеей долга, а с истинностью или ложностью представлений, чувств и поступков персонажа и общества.

Ключевые слова: Чехов, персонаж, стыд, совесть, причина, истинность.

DOI 10.18522/1995-0640-2020-2-36-42

Петухова Елена Николаевна – канд. филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы Гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета
Тел.: +7-921-795-57-10
E-mail: pen9@yandex.ru

© Петухова Е.Н., 2020.

У чеховских героев чувство стыда по своей природе и порождающим причинам далеко не то же самое, что у автора. Если у Чехова стыд связан прежде всего с высокой требовательностью к самому себе – стыдно быть счастливым среди несчастных, *«доброму человеку бывает стыдно даже перед собакой»* (XVII, с. 31), – то у персонажей его рассказов причины большей частью иные. Стыд – этическая категория. По Далю, «стыд, студ – чувство или внутреннее сознание предосудительного, уничижение и смирение, внутренняя исповедь перед совестью» [Даль, 1991, т. 4, с. 347]. Современное понимание с уничижением вряд ли связано. Близкое Далю, но более точное и универсальное понимание предложил В.С. Соловьев: «Чувство стыда – естественный корень человеческой нравственности», «стыд и совесть говорят разными языками по разным поводам, но смысл того, что они говорят, один и тот же: это не добро, это не должно, это не достойно» [Соловьев, 1988, т. 1, с. 133]. В позднейших словарях стыд чаще всего толкуется как «чувство сильного смущения от сознания предосудительности поступка, вины» [Ожегов, Шведова, 1994, с. 765], как осознание позора от недостойного поведения, «унизительного положения» [Там же, с. 538]. Сила, глубина этого чувства и причины, порождающие его, у разных людей неодинаковы. Способность испытывать стыд постепенно становится в литературе одним из критериев нравственной оценки персонажа,

показательно, что героям циничным, развращенным стыдно, как правило, не бывает.

Персонажи ранних рассказов Чехова обычно этого чувства не испытывают. Они «изображаются обобщенно-знаково, они типологичны, лишены индивидуально конкретных черт» [Сухих, 2019, с. 28], психологический компонент в их характеристике ограничен социальной ролью. В зрелых произведениях слова «стыд» и особенно «стыдно» употребляются регулярно, героям становится стыдно во многих ситуациях. Природа и проявления стыда у чеховских персонажей отличаются разнообразием. Состояние «стыдно» передается многими способами: опосредованно – через изображение внешних признаков, поведение персонажа, сквозь призму его восприятия окружающего, описанием душевного состояния, и прямым обозначением – «стыдно», и через синонимичную лексику. В словарях в качестве синонимов приводятся слова «совестно», «неловко», «неудобно», «смущенно» – очевидно, что они заметно различаются семантическими коннотациями, в частности, объемом понятия и глубиной переживания. В чеховских рассказах такие слова не всегда выражают именно чувство стыда, между тем исследователи нередко толкуют эту лексику слишком расширительно. С.И. Меньшикова полагает, что Чехов строил конструкции для выражения чувства стыда при помощи глаголов *смущаться*, *конфузиться*, *тушеваться* и их синонимов *стесняться*, *мяться* [Меньшикова, 2007, с. 61]. Однако стесняться можно из скромности, смущаться – от робости, от излишнего внимания к себе, тушеваться – от растерянности, нерешительности, а конфузиться – от застенчивости. Краснеют не только от стыда, но и от гнева, от страха.

Рассмотрим чеховские ситуации, сопряженные с эмоцией стыда, в ряде известных произведений. В повести «Степь» Егорушка, испытывая приступ ненависти к Дымову, кричит: *«Бейте его!» – потом «слезы брызнули у него из глаз; ему стало стыдно...»* (VII, с. 83). Чего стыдно? Чувство мальчика Чехов здесь не комментирует, не анализирует, а констатирует. Из описания ситуации можно предположить, что Егорушке могло стать стыдно своего бессилия, своей злобы, своих слез или всего вместе.

В рассказе «Огни» Ананьев, повествуя о соблазнении Кисочки, краснеет «постфактум», *«ему уж было стыдно и тяжело вспоминать...»* (VII, с. 131) – здесь вполне определенная причина стыда, заглушенного временем, а тогда, в момент соблазнения, ему не было стыдно. Мучительное чувство стыда он переживал после своего бегства. Чехов, описывая состояние Ананьева, прибегает к развернутому сравнению: героя *«давило чувство»*, будто он *«от головы до ног был обложен краденными вещами»*. К стыду примешивался страх встретиться с Кисочкой, и, наконец, он ясно осознал, что им *«совершено зло, равносильное убийству»* (VII, с. 134). Стыд не отпускает Ананьева, и это уже не просто стыд бегства – стыд пробуждает совесть, сам герой именно так определяет свое состояние. В результате приходит прозрение не только относительно своего поступка, но и относительно себя: *«Я прозрел и понял наконец,*

что я за птица. Я понял, что мысли мои не стоят гроша медного и что до встречи с Кисочкой я еще не начинал мыслить и даже понятия не имел о том, что значит серьезная мысль» (VII, с. 135). В «Огнях» передано и проанализировано в своем развитии, пожалуй, самое острое чувство стыда за себя.

В «Дуэли» стыдно становится многим персонажам по разным причинам, в том числе связанным с особенностями характера. Доктор Самойленко *«стыдился своей доброты и старался маскировать ее суровым взглядом и напускной грубостью...»* (VII, с. 353). Он, вероятно, считал доброту проявлением слабости и мягкотелости. Его стыд относится к ложному, но к другой разновидности, т. е. к стыду за то, чего стыдиться на самом деле не нужно. В разговоре с Лаевским ему стало стыдно за фразу, что на месте Лаевского он не показывал бы Надежде Федоровне своей нелюбви *«и жил бы с ней до самой смерти»* (VII, с. 354). В этом случае стыд порожден деликатностью доктора, не считавшего себя вправе давать советы в столь щекотливом вопросе. В том же разговоре Самойленко в очередной раз становится стыдно, уже за откровения Лаевского: доктор покраснел, *«от того, что Лаевский говорит с ним так откровенно о знакомой даме»* (VII, с. 356) – это стыд за другого, за его недостойное поведение, он возникает неоднократно, и Чехов выражает его словами, обозначающими внешние признаки: «краснеть», «конфузиться». Надежда Федоровна тоже нередко краснеет при мыслях об измене Лаевскому, но ее «стыдно» очень скоро сменяется жалостью к себе и желанием нравиться. Мария Константиновна, со своей стороны, безуспешно пытается пробудить в ней чувство стыда за другое: за греховность ее образа жизни, за нечистоплотность в быту, – для нее лично в равной степени стыдно и то и другое. Часто человек не может понять, почему ему стыдно. Так, дьякону после дуэли стало стыдно за *«свою грязную, мокрую одежду»* – вероятно, на самом деле ему стыдно за то, что прятался в кустах, но, может, и за то, что открылось его присутствие, ведь дьякону, лицу духовному, вообще не пристало находиться на дуэли. В повести персонажи испытывают и смущение, которое у Чехова не выражает состояния «стыдно». На дуэли «секунданты были смущены», но «смущены» никоим образом не синоним «стыдно»; смущены, т. е., растеряны, потому что не знали, как и что делать, ведь дуэль воспринималась тогда анахронизмом. Фон Корен испытывает перед прощанием с Лаевским неловкость, которая тоже не равна стыду, – он просто не знает, как вести себя с недавним врагом, не уверен в уместности поступка.

Два вида стыда представлены в «Скучной истории»: ложный и истинный. Старый профессор мысленно рассуждает о стыде бедности и считает его ложным чувством, но сам ему подвержен: краснеет, что должен лакею, страдает из-за мелких долгов, денежных затруднений, боится в них признаться. Глубокий, истинный стыд, скрываемый от всех, порожден осознанием своей профессиональной истощенности и отсутствием решимости поступить по совести: *«Моя совесть и ум говорят мне, что самое лучшее, что я мог бы теперь сделать, – это прочи-*

татъ мальчикам прощальную лекцию, сказать им последнее слово, благословить их и уступить свое место человеку, который моложе и сильнее меня. Но пусть судит меня бог, у меня не хватает мужества поступить по совести» (VII, с. 263). Стыд обусловлен «конфликтом» поведения и требования совести.

Стыдно бывает не только людям, способным к глубоким переживаниям, склонным к рефлексии. Легкомысленные люди тоже могут переживать острый стыд, но он мимолетен, как у Ольги Ивановны в «Попрыгунье», когда на мгновение она почувствовала недостойность своего поведения и несправедливость отношения к Дымову: *«скрывать от этого человека так же подло, отвратительно и так же невозможно и не под силу ей, как оклеветать, украсть или убить,... но страх и стыд помешали ей говорить правду»* (VIII, с. 21). В этом случае проявляется двойственность чувства: стыдно скрывать и стыдно признаться – часто встречающаяся психологическая коллизия.

У Чехова находим и обманчиво похожие ситуации: например, стыд Самойленко за откровения Лаевского в «Дуэли», бегство Ананьева в «Огнях» и, с другой стороны, чувства рассказчика в рассказе «Страх». Откровенность Силина вызывает у него тоже неловкость, но, в отличие от Самойленко, не за Силина, а за себя, поскольку он явно не испытывал к Силину ответных дружеских чувств, напротив, они были ему даже тягостны, как впоследствии и любовь Марии Сергеевны. Его самочувствие Чехов точно характеризует именно как неловкость, а не стыд: он пока не совершил ничего предосудительного, просто не может ответить человеку тем же, и возникает ощущение некоторой вины. Примечательно, что, столкнувшись с Силиным после свидания с его женой, будучи действительно виноватым перед ним, герой тоже только смущен и затем поспешно покидает имение, как и Ананьев. «Страх» написан позже «Огней», и в нем состояние «стыдно» выражено уже опосредованно, без подробного анализа: было «странно и страшно», что летают грачи, он задает себе вопрос «зачем?» *«в недоумении и с отчаянием»* – сила переживания очевидна и убедительна. Одновременно рассказчик словно оправдывает себя: *«Почему это вышло именно так, а не иначе? Кому и для чего это нужно было, чтоб она любила меня серьезно и чтоб он явился в комнату за фуражкой?»* (VIII, с. 138), больше он не виделся с Марией Сергеевной. Детали характеризуют его нелестно, и нравственная оценка персонажа предстает неоднозначной.

В рассказе «Неприятность», на первый взгляд, все просто и понятно: интеллигентному доктору стыдно за то, что он ударил человека, стыдно до такой степени, что он готов предстать перед судом. Однако оказалось, что и мировой, и председатель управы сочувствуют доктору, а не пьянице фельдшеру, заставляют того просить прощения, и тогда доктору становится стыдно уже за перевернутую ситуацию, за людей, которые так «водевильно» решили вопрос, им поднятый, – это стыд за других. И наконец, чувство стыда претерпевает изменение в третий раз. *«Ему было стыдно, что в свой личный вопрос он впутал посторонних лю-*

дей, стыдно за слова, которые он говорил этим людям, за водку, которую выпил по привычке пить и жить зря, стыдно за свой не понимающий, не глубокий ум...» (VII, с. 158). Таким образом, стыд за конкретный поступок, видоизменяясь, приводит к размышлению об условиях работы земского доктора, о положении среднего человека в провинции, о нескладности жизни в целом и несправедливости общества. Слова «стыд» и «стыдно» в рассказе многократно повторяются, усиливая его общую экспрессию и тем самым драматизм ситуации и психологического состояния героя, заключающийся в непонимании окружающими причин его стыда и в связанной с этим невозможностью что-либо изменить.

В рассказе «Бабье царство» стыд имеет ярко выраженную социальную природу: Анне Акимовне постоянно стыдно за свое богатство, за беспросветную жизнь рабочих ее завода, за свою беспомощность что-либо улучшить в их существовании. Решив помочь одному из страждущих, она убеждается в бессмысленности своего поступка и стыдится его, к тому же в душе ей не жаль такого человека, неопрятного, подобо-страстного, пьющего, и от осознания этого ей тоже стыдно. Избавляясь от иллюзий относительно себя, рабочих, своего окружения, она каждый раз испытывает в той или иной степени стыд в разных его оттенках – за свои слова, за мысли, за поступки, фальшь которых ей становится всё очевиднее. Похожие чувства переживает и Вера в рассказе «В родном углу», в котором концепт *стыд* реализован тоже в социальном ракурсе. У Веры взгляд значительно трезвее, она не склонна к самообману и понимает, что «и школы, и разговоры о невежестве – это для того только, чтобы заглушать совесть, так как стыдно иметь пять или десять тысяч десятин земли и быть равнодушными к народу» (IX, с. 320). Совесть и стыд действительно растут здесь из одного корня, но совесть требует какого-то действия, поступков, а не просто осознания вины, Вера же не знает, что делать. В этом плане персонажи зрелой прозы Чехова представляют собой усложнение и развитие типажа, изображенного в рассказах сборника «В сумерках»: в них «прозрение героя в отношении ложного стереотипа, управлявшего его поступками, связанная с этим прозрением самокритика не делают героя способным изменить ход событий» [Васильева, 2019, с. 145].

В отличие от Веры и Анны Акимовны героиня «Дома с мезонином» Лида Волчанинова полагает, что знает, как и что делать и занимается конкретными «малыми делами», считая это обязательным для неравнодушных людей. Ей никогда не бывает стыдно – человеку с догматичным мышлением, не сомневающемуся, довольному собой это чувство несвойственно. Художник, спровоцированный Лидой на спор, полемически заостряет в пылу свои возражения; на самом деле в такие утопические идеи, как упразднение труда или разделение его на всех поровну, он, скорее всего, всерьез не верит, неслучайно после отъезда Мисюсь наступило отрезвление, и ему «стало стыдно всего, что <...> говорил у Волчаниновых» (IX, с. 190). Ответ на вопрос, почему художнику стало стыдно, поливариантен, Чехов, как и в «Степи», не «помогает» чи-

тателю. Может быть, художнику стыдно своего срыва, почти истерики: «Ничего не нужно, пусть земля провалится в тартарары!» (IX, с. 187). Возможно, стыдно бессмысленности монолога именно перед Лидой, которую переубеждать бесполезно. Чувство стыда могло быть вызвано и пониманием, что он перегнул палку, отрицая необходимость грамотности, медицины, самого труда. Однако сам факт спора, нервная вспышка свидетельствуют о внутреннем равнодушии героя, о неприятии фальши и лицемерия многих людей, усыпляющих свою совесть благотворительностью, что, впрочем, не должно ее исключать. Художник вписывается в ряд персонажей, не знающих, что делать, и не пытающихся изменить ситуацию или ход событий и, вероятно, не верящих в такую возможность, но испытывающих острую неудовлетворенность неблагополучием общего строя жизни.

На примере даже нескольких рассказов (пьесы требуют отдельного рассмотрения в данном аспекте) очевидно, что Чехов, по сравнению с предшественниками, представил наиболее широкую палитру состояния «стыдно» в разнообразных нюансах, стремился понять его природу, возможные порождающие причины и во многих случаях разделил чувства стыда, неловкости и смущения. До Чехова эмоция стыда не была в такой степени характеризующей чертой, у него же способность стыдиться, равно как и ее отсутствие, становится определяющей для персонажа. Стыд в чеховских рассказах соотносится не с идеей «восстановления погибшего человека», не с первородным грехом, не с долгом, а прежде всего с истинностью или ложностью представлений, чувств и поступков персонажа и общества.

Литература

Васильева И.Э. Сборник «В сумерках»: авторский проект серьезной прозы // Ранний Чехов: проблемы поэтики: коллективная монография / под ред. А.Д. Степанова. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 132–181.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4. М.: Русский язык, 1991. 684 с.

Меньшикова С.И. Концепт психического состояния «стыд» и вербальные средства его выражения // Вестник ТвГУ. Серия филология. Выпуск «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2007. № 7. С. 58–66.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1994. 928 с.

Соловьев В. С. Оправдание добра // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 47–580.

Сухих И.Н. Жанровая система раннего Чехова // Ранний Чехов: проблемы поэтики: коллективная монография / под ред. А.Д. Степанова. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 18-47.

References

Dal V. I. *Tolkovyi slovar zhivogo velikorusskogo yazika*, v 4 t. T. 4. M., Russkii yazyk, 1991. 684 p. (In Russian).

Menshikova S.I. Kontsept psicheskogo sostoyaniya «stydy» i verbalnye sredstva ego virazheniya. *Vestnik TvGU. Seriya filologiya. Vypusk «Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya»*, 2007, no. 7, pp. 58-66. (In Russian).

Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyi slovar russkogo yazyka*. M., AZ, 1994. 928 p. (In Russian).

Solov'ev V. S. Opravdanie dobra. *Solovev V. S Sochineniya, v 2 t.* T. 1. M., Mysl', 1988. Pp. 47-580. (In Russian).

Sukhikh I.N. Zhanrovaya sistema rannego Chehova. *Rannii Chehov: problemy` poe`teki: kollektivnaya monografiya* / pod red. A.D. Stepanova. SPb., Nestor-Istoriya, 2019, pp. 18-47. (In Russian).

Vasil`eva I.E`. Sbornik «V sumerkakh»: avtorskii proekt ser`eznoi prozy. *Rannii Chehov: problemy` poe`teki: kollektivnaya monografiya* / pod red. A.D. Stepanova. SPb., Nestor-Istoriya, 2019, pp. 132-181. (In Russian).

Elena N. Petukhova (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Concept of «Shame»: Chekhov's Characters

The feeling of «shame» of Chekhov's characters does not always coincide with the one which author means. Characters in Chekhov's stories have different reasons for the feeling. They also experience it with different intensity levels. Lexis for the concept of «shame» is rarely verbalized in the text, this emotional state is conveyed by external evidence, behaviour, perception of an environment. Besides, the author distinguishes shame from awkwardness and a state of confusion, that is why lexis which denotes the concept of «shame» is not a synonymic one, as it is always broadly interpreted. In a number of Chekhov's characters painful feeling of shame awakes conscience, leads to the insight and broader views on a situation and himself. In Chekhov's stories, as in ones of his classic forerunners, only a person gifted with a moral feeling can experience shame. However, before Chekhov's works the concept of shame was not such a characteristic feature, but in his stories presence of this feeling as well as its absence is of a great importance for the character. In Chekhov's stories the concept of «shame» correlates not with the idea of «recovery of a lost person», original sin, or idea of one's duty, but with the idea of right or wrong overviews, feelings and acts of a character and a society.

Key words: *Chekhov, character, shame, conscience, truth, feeling, reason, state.*

Elena N. Petukhova – Ph.D. of Philology, professor. Faculty of Humanities, Department of Russian language and literature, Saint-Petersburg State University of Economics. Phone: +7 921-795-57-10; e-mail: pen9@yandex.ru